

ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ, ЭЛЬДАР
РЯЗАНОВ

ВОКЗАЛ ДЛЯ ДВОИХ

Эльдар Александрович Рязанов Эмиль Вениаминович Брагинский Вокзал для двоих

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139569

Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский Старики-разбойники: АСТ, Зебра Е;

Москва; 2008

ISBN 978-5-17-048780-6, 978-5-94663-535-6

Аннотация

«... В сценарии фильма «Вокзал для двоих» причудливо преломились и видоизменились истории, тоже случившиеся в действительности.

Ситуация, когда за рулем сидела женщина, сбившая человека, а вину принял на себя мужчина, бывший в машине пассажиром и любивший эту женщину, взята из жизни. Я знаю этих людей, но не буду называть их имен. Вторая история, толкнувшая нас на написание сценария, произошла с талантливым поэтом Ярославом Смеляковым. Судьба его при сталинщине сложилась трагически. Он трижды сидел в лагерях и смерть Сталина встретил за колючей проволокой. В 53-м году, после смерти вождя, заключенные ждали амнистии, ждали изменений и вохровцы. В лагере, где отбывал наказание Смеляков, режим чуть-чуть смягчился, и поэта отпустили навестить своих товарищей по несчастью Валерия Фрида и Юлия Дунского

– будущих известных кинодраматургов, которые уже отбыли срок и жили на поселении в нескольких километрах от зоны. Но к утренней поверке Смеляков должен был стоять в строю эков. Отсутствие его в этот момент считалось бы побегом, и срок отсидки автоматически увеличился бы. Обрадованные свиданием, надеждами на улучшение участи, бывшие лагерники и их гость хорошо провели время. Выпито было, вероятно, немало. Все трое проспали час подъема, и более молодые Фрид и Дунский помогали Ярославу Васильевичу добраться до лагеря, тащили его, ослабевшего, чтобы он поспел в срок к утренней поверке. Эту правдивую и одновременно невероятную историю мы слышали от непосредственных участников.

Вот эти два эпизода, а также давнее желание сделать фильм о вокзальной официантке стали отправными пунктами и привели к тому, что родился сценарий трагикомедии «Вокзал для двоих» ...»

Содержание

Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов
Конец ознакомительного фрагмента.

5
30

Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов Вокзал для двоих

Пусть не пугается читатель, обнаружив, что действие нашего фильма начинается в месте не совсем приятном, а именно в колонии для уголовных преступников. Никто не знает своего будущего. Недаром народная мудрость гласит: «От сумы и тюрьмы не зарекайся!»

Был зимний метельный вечер.

Прожектор высвечивал огромную утрамбованную площадку, на которой проходила вечерняя проверка тех, кого перевоспитывали, – попросту говоря, заключенных. Дежурные офицеры шли вдоль строя, поштучно пересчитывая узников. Потом каждый из дежурных подходил к старшему офицеру и докладывал:

– Вечерняя проверка произведена! Лиц, незаконно отсутствующих, нет.

– Разведите по общежитиям! – скомандовал старший офицер.

– Есть развести по общежитиям! – как эхо отозвались начальники отрядов.

– Рябинин, останьтесь! – приказал старший, а один из офицеров тотчас повторил:

– Рябинин, оставайтесь!

Заключенные строем направились к баракам, а на плацу задержалась лишь одинокая фигура. Она съежилась, как бы ожидая неприятностей.

Надо заметить, что люди делятся на тех, кто сторожит, и тех, кого сторожат. Герой нашего повествования Платон Сергеевич Рябинин принадлежал, к сожалению, ко второй категории человечества. Хотя, правда, он вовсе не походил на преступника. Это был мягкий, застенчивый человек лет сорока. По его простодушному, доверчивому лицу было понятно, что он не способен на неблагоприятные поступки. Такой ни карьеры не сделает, ни Уголовный кодекс не нарушит.

– Рябинин, подойдите! – подозвал старший офицер. И когда Платон, выполняя приказание, подбежал, начальник сообщил ему: – Хочу вас обрадовать, – к вам приехала жена!

Но заключенный вовсе не обрадовался.

– Зачем?

– Просит свидания!..

– Я ее не звал! – вырвалось у Платона. – Я не хочу свидания!

– Да вы что? – поразился офицер. – Она к вам семь тысяч километров на поезде отмахала, да два часа на самолете летела, да еще сутки в грузовике тряслась.

– Ну и пусть! Я не пойду! – Арестант позволил себе немного взбунтоваться.

– Да ради вас... я... – возмутился начальник. – У нее не

оказалось необходимых документов. Я просто не мог отказать. Она так просила...

– Как – просила? Она? Не понимаю... – невесело произнес Платон.

– Это вы с ней выясните! Держите пропуск! Пойдете без конвоя! Я вам доверяю!..

– Куда я пойду? – голос Платона звучал жалобно.

– Она тут комнату сняла, в деревне. Вот адрес записан. И чтобы совместить приятное с полезным, зайдете в мастерскую, к Ивану Герасимовичу, и возьмете из ремонта аккордеон! Вы музыкант – проверьте, как починили!

– Слушаюсь! – понуро согласился Платон. Он мог отказать идти к жене, но отказаться идти за аккордеоном он не имел права.

– Как Коля мой? Успехи делает? – вдруг спросил офицер.

– Мальчик способный. Его бы хорошо в музыкальную школу определить.

– Вот отбуду здесь вместе с вами, – пошутил офицер, – и переведусь в нормальный город, где есть музыкальная школа. – Он снова стал строгим и официальным. – Учтите, Рябинин: пропуск – до утренней проверки. Ровно в восемь – быть в строю. Опоздание приравнивается к побегу. Идите!

Потом на вахте – на воле это место называется бюро пропусков – охранник придирчиво обыскивал Рябинина.

– До деревни-то хоть близко? – спросил Платон.

– Недалеко, – охранник изучал валенки, тряся ими в поис-

ках запрещенного. – Километров девять-десять. И не вздумай пронести спиртное, ножичек, деньги. Все равно найду.

– Ученый уже, – пробурчал Платон, надевая валенки.

– Значит, так, – жестко сказал охранник и отодвинул тяжелый засов, – пропуск у тебя до восьми утра. Будь как штык! Опоздаешь – это побег. Припаяют новый срок! Пошел!

Дверь отворилась, и Платон очутился на воле, где он уже давно не был.

Колония, обнесенная, как и положено, высоким глухим забором со сторожевыми вышками, находилась в чистом поле. Вокруг нее не было никаких строений. От ворот уходила в жизнь накатанная дорога, вдоль которой сиротливо тянулись столбы с проводами.

Платон побрел по дороге навстречу поземке. Пройдя несколько шагов, остановился, постоял. Затем решительно заспешил обратно и забарабанил в дверь вахты.

Охранник приоткрыл окошко:

– Ты чего забыл?

– Пустите меня обратно!

– Ты поручение выполнил?

– Какое? – не понял Платон.

– Аккордеон принес?

– Меня не за этим, меня к жене отпустили.

– Про жену в пропуске ничего не написано! – И охранник захлопнул окошко.

Платону не оставалось ничего другого, как зашагать в темноту и мороз. Но сначала он отстегнул от ватника зеленую бирку со своей фамилией, чтобы хоть ненадолго почувствовать себя свободным, и спрятал ее в карман.

Платон шел и шел по заснеженной, пустынной дороге и вспоминал... Идти было далеко и холодно, но воспоминание было длинное, и оно согревало Платона...

...В тот летний день, к которому обратилась сейчас память Платона, он ехал среди многих пассажиров в скором поезде Москва – Алма-Ата. Экспресс медленно подползал к перрону большого города, который назывался Заступинск.

Вместе с высыпавшими на платформу пассажирами Рябинин, элегантный, стройный, в отлично сшитом костюме, с «дипломатом» в руке, зашагал по перрону незнакомого города навстречу судьбе, которая поджидала его в привокзальном ресторане.

Нашествие пассажиров, которые надеются во время короткой стоянки поезда пообедать, если вдуматься, – несчастье для ресторана. Орда оголодавших путешественников, как саранча, набрасывается на комплексные обеды, не заказывает ничего порционного и ничего спиртного и тем самым не помогает выполнению плана. Кроме того, некоторые ловкачи норовят улизнуть, не заплатив, так как знают, что никто из официантов поезда не догонит.

Но наш родной ресторан голыми руками не возьмешь.

Обороняясь, он кормит пассажиров, как бы поприличней выразиться... точно рассчитав, что неизбежный отход поезда помешает клиенту накатать жалобу.

На двух длинных столах выстроились одинаковые алюминиевые кастрюльки со станционным борщом, а рядом, дожидаясь конца своей короткой жизни, стыли унылые серые котлеты.

Платон Сергеевич тоже вошел в ресторан, отыскал свободное место, приоткрыл крышку кастрюли, поглядел на котлету, но всего этого есть не стал. Пассажиры вокруг жевали и чавкали и все время теребили официантку Веру, худенькую женщину, которой было за тридцать. На ее милом, но уже потрепанном жизнью лице сверкали отважные глазницы.

– Добрый день, товарищ! Приятного аппетита! – профессионально сказала Вера.

– Девушка, можно вас?

– Девушка, подойдите, пожалуйста. – Это был Платон.

– Девушка, можно бутылочку минеральной воды?

– Минеральной воды нет! – как автомат, ответила Вера.

– Девушка, можно вас на минутку... – Платон сделал еще одну попытку.

– Салатик бы овощной, – сказал один из едоков.

– Салатик к комплексному обеду не полагается, – казенным голосом произнесла Вера.

– Девушка, принесите мне что-нибудь диетическое. – го-

лодный Платон прорвался еще раз.

– Вы откуда свалились? – искренне изумилась Вера.

– С поезда! – И Платон указал на окно.

– У вас язва, что ли? – спросила Вера и сказала кому-то: – Рубль двадцать, и, пожалуйста, без сдачи!.. Спасибо...

– Да, – кивнул Платон, – у меня появилась язва при виде вашей еды!

– Девушка, бутылочку пива можно?

– Пива у нас не бывает никогда, – мгновенно среагировала Вера.

– Пока я закажу вам что-нибудь «съедобное»... – на ходу объясняла Вера Платону, – возьмите сдачу, спасибо... пока это стоговят, ваш поезд уйдет! А с язвой, между прочим, по ресторанам не ходят! С язвой дома сидят!..

Тут Вера сорвалась с места и кинулась к выходу:

– Пассажир, пассажир! Вы позабыли заплатить!

– Деньги на столе! – резко ответил клиент. – Кстати, за такой обед не мы вам, а вы нам обязаны платить!

Вера метнулась к столу, за которым обедал клиент, – денег на нем не было.

– Где деньги? – громко спросила Вера. – Кто их взял?

– В вашей работе, девушка, деньги с пассажиров надо вперед получать! – посоветовал один из посетителей.

По радио объявили что-то неразборчивое.

Толпа едоков бросилась наутек.

Платон тоже побежал. Но Вера грозно преградила ему

путь:

– Платите деньги!

– Но я ничего не ел!

– Знаю я вас. Один говорит, что платил, а денег нету, другой говорит, что не ел!.. С вас рубль двадцать!

– Да вы посмотрите! – возмутился Платон.

– Пока я буду смотреть, вы удерете. Рубль двадцать, пожалуйста. Откуда я знаю, ели вы или нет.

– Я не ел. Платить не буду! Пустите, я на поезд... Это уже один раз ели!..

Вера зашлась:

– Пока вы не заплатите – вы отсюда не уйдете! У меня жалованье маленькое, и за вас всех платить из своего кармана...

– Вы, которые в ресторанах, – не дал договорить Платон, – вы-то за всех можете заплатить! Пустите меня!

Но официантки стояли стеной. Пробыться было невозможно.

– Павел Васильевич! – Вера решительно обратилась к швейцару. – Кликните Николашу!

Швейцар привычно извлек из кармана свисток и пронзительно засвистел.

Платон презрительно пожал плечами:

– Пусть сбежится хоть вся милиция вашего города! Я не ел, платить не буду!

– Пижон! Фраер! – Вера была вне себя.

– Заплатите, еще как заплатите! – рывкнула подруга Веры.

– Платить не буду! – запальчиво ответил Платон. – Я не ел! Это вопрос принципа! Зовите милицию.

В дверях возник молоденький лейтенант в милицейской форме.

– Николаша, – начала Вера, – вот этот, – тут она кивнула в сторону Платона, – попросил диетическое; когда я сказала, что не успею, он съел дежурный обед...

– Я не ел! – успел вставить Платон.

– Разберемся! – пообещал лейтенант.

– Как это – вы разберетесь! – вспыхнул Платон. – Анализы будете брать?

– ...И отказывается платить! – закончила Вера.

– Вот сейчас составим протокол... – скучным голосом предупредил милиционер, – что вы отказываетесь платить...

– Но пока вы будете составлять – мой поезд уйдет!

– Я это делаю очень быстро, – улыбнулся лейтенант Николаша, – наловчился тут. Вы с какого поезда?

– Да его поезд уже ушел! – злорадно сообщила Вера. – Пожмотничал – и получил по заслугам!

– Как это – ушел? – вскрикнул Платон, отпихнул милиционера и побежал.

– Держи его! – во весь голос потребовала Вера.

– Он теперь никуда не денется! – лениво отмахнулся от Веры милиционер.

Платон выбежал на платформу и мрачно поглядел вслед

поезду. Последний вагон был уже едва виден.

Платон чертыхнулся и подошел к человеку в красной фуражке.

– Товарищ начальник!..

– Я заместитель! – отозвался железнодорожник.

– Понимаете, товарищ заместитель, я отстал от поезда. Дело тут не в рубль двадцать, а в принципе. Она говорит: «Платите», а я обед не ел! Я сижу в ресторане... А в ресторане просто есть нельзя!

– Я лично по ресторанам не хожу. Я дома обедаю. У меня жена замечательно готовит. А рестораны – это совсем другое ведомство. А куда вы, собственно?..

– Мне в Грибоедов надо...

– В дороге надо быть внимательным, товарищ пассажир! – железнодорожник не удержался от возможности прочесть нотацию. – Железная дорога – это точность и комфорт. Поезд до Грибоедова пойдет в двадцать часов сорок шесть минут.

– А как мне быть с билетом? Билет же уехал вместе с проводником.

– Так что? – услышал Платон голос милиционера. – Отдадите наконец рубль двадцать или протокол будем сочинять?

Из-за спины милиционера выглядывала Вера, так и не снявшая свой официантский передник.

– Как не совестно, вроде бы интеллигентный, а грабит бедную официантку!

– Как же все-таки мне, – Платон ухватил дежурного за рукав, – уехать из вашего города?

– Подойдите ко мне минут за пятнадцать до отправления – я вас отведу к начальнику поезда, он вас устроит.

– А если он не заплатит за обед, мы его сами устроим! – пригрозила Вера.

Дежурный по станции, которому это все надоело, выдернул свою руку и ушел.

– Лучше заплатите, – дружелюбно посоветовал Платону лейтенант, – протокол вам дороже встанет!

Платон поглядел в добрые глаза милиционера и понял, что придется поступиться принципами, то есть заплатить. И не глядя протянул Вере деньги:

– Вот вам... держите три рубля за то, что я не ел! Сдачи не надо!

Вера взяла трешку и стала копаться в кармашке передника.

– Нет уж, возьмите вашу сдачу!

– Это вам на чай! – свысока бросил Платон.

– А может, я на чай не беру!

– А может, в вашем ресторане и не обсчитывают?

– Товарищ лейтенант, вы свидетель, что я отдала ему его поганую сдачу, – и Вера протянула Платону деньги.

Тот демонстративно заложил руки за спину. Тогда Вера нагнулась, аккуратно положила рубль с мелочью на асфальт и ушла по перрону, нахально покачивая бедрами. Милицио-

нер тоже потерял к Платону всяческий интерес и отправился вышагивать вдоль состава пригородной электрички.

– Вот стерва! – в сердцах высказался Платон, глядя вслед Вере, и поднял деньги с асфальта.

Мучительно хотелось есть. Платон направил стопы обратно в ресторан – и, конечно же, тотчас наткнулся на Веру.

– Будьте добры, – Платон был сама вежливость, – если вас не затруднит, скажите, пожалуйста, если вам не сложно, какие столики не ваши, чтоб я знал, куда сесть.

– Вон те! – кивнула Вера и крикнула официантке с красивым наглым лицом, которые так нравятся клиентам: – Люда, обслужи товарища! Только получи с него вперед, а то он платить не любит!

– Да ты что! – отозвалась Люда, которая любезничала с молодым красивым пианистом. – Ко мне же Шурик пришел! Обслужи товарища сама!

Вера приблизилась к столику, за которым успел усесться Платон, и громыхнула подносом.

– Положение у меня безвыходное! Заказывайте!

– Вы... вы мегера! – зловеще выдохнул Платон. – Из ваших рук я не стану есть до конца моей жизни!

И он рванул прочь из ресторана.

В зале ожидания Платон с надеждой кинулся к буфетной стойке. Однако на ней красовалась выразительная надпись: «Буфет закрыт на обед».

Взбешенный Платон вернулся в ресторанный зал. Теперь

он уже напрямиком направился к Вере и плюхнулся на стул напротив нее.

– Меню давайте! Срочно!

– Ого, какой вы принципиальный! Вы же только что поклялись не есть из моих рук!

– Буфет закрыт! – вдруг жалобно произнес Платон.

– А есть хочется? – с издевкой спросила Вера.

– Конечно. Я ведь не ел тот мерзкий борщ. Теперь вы это понимаете?

– Если вы не ели, то откуда знаете, что он мерзкий? – парировала Вера.

– Я от вас устал. Принесите что-нибудь диетическое.

Вера озорно сверкнула глазами:

– Поскольку в том, что вы у нас застряли, есть и моя вина, я обслуживаю вас как дорогого гостя нашего города. Знаете, нас инструктировали – приезжающих, в отличие от проезжающих, обслуживать хорошо. Потому что наш ресторан – визитная карточка города. Из диетического только курица. Сейчас я ее подам.

Платон полез за деньгами:

– Получите с меня вперед, а то я человек ненадежный. И еще – минеральной воды.

– Будет сделано.

– Черт! Настроение у меня – хуже не бывает.

– Вряд ли наша курица вам его улучшит! – Вера положила деньги в кармашек передника и отсчитала сдачу.

Потом Вера ушла на кухню, а Платон стал смотреть в окно на пригородную электричку. Захлопнулись автоматические двери, и электричка медленно отошла.

Вера принесла еду:

– Приятного аппетита!

Платон взялся за нож и начал беззлобно ругаться:

– Это я по вашей милости здесь торчу... Чтоб ваш ресторан сгорел вместе с вашей станцией и вашей курицей.

Платон тщетно пытался разрезать курицу на съедобные части, но та не поддавалась.

– Эта курица отечественная или импортная?

– Понимаете, – с невинным видом принялась объяснять Вера, – на голой курице ничего не написано. Написано на обертке, а мы подаем без обертки. Если хотите, я пойду спрошу у нашего повара.

– Не надо, сейчас я у нее сам спрошу!

Платон безуспешно орудовал тупым ножом. Курица не поддавалась.

– Очень жилистая? – сочувственно спросила Вера.

– По-моему, при жизни эта курица работала официанткой в вашем ресторане!..

– Ну, понятно. Такая же мерзкая...

– Угу... А у вас и оркестр вечерами играет?

– Очень громко. До того, как в ресторан пошла, я очень музыку любила, а теперь ненавижу!

Вера фамильярно присела на соседний стул.

– А чемодан ваш? Без хозяина в Грибоедов катит?

– У меня все вещи с собой. Вот... Я на два дня в Грибоедов. Мне в понедельник утром обязательно надо быть в Москве.

– Теперь получается, что вы в Грибоедов только на один день едете, – уточнила Вера, – вы ведь целый день здесь потеряете!

– Если б вы только знали, – вырвалось у Платона, – как мне дорог и как мне нужен этот день. Кстати, как вас зовут, девушка?

Вера решила, что заезжий ее со скуки, как говорится, «клеит», и тут же дала отпор:

– До того, как я начала здесь работать, имя у меня было, а теперь меня зовут – девушка! Девушка – и неприступная! В особенности – для транзитников.

Платон посмотрел на Веру с нескрываемой усмешкой:

– Но я не собирался идти на приступ этой крепости!..

– Рассказывайте, все вы одинаковые! – Вера встала и отправилась к эстраде, где пианист Шурик репетировал песню, а Люда влюбленно смотрела на своего кумира...

Платон, устав сражаться с курицей, бросил вилку, поднялся и вышел в зал ожидания.

А в ресторане Верина подружка Люда сказала Вере:

– Пойди в аптечный киоск, туда завезли финский шампунь!

– Хороший? – спросила Вера.

– Не знаю, но взяла десять штук. И ты тоже возьми!

Вера послушно направилась выполнять приказ.

В зале ожидания Вера увидела своего недавнего посетителя. Тот говорил по междугородному телефону. Вера услышала:

– Следователь мне не звонил? Если позвонит, не говори, где я. Ври напропалую, но убедительно. В понедельник утром я буду в Москве. Ну, мне-то какая разница, когда заведут штакетник. О чем ты сейчас думаешь?

Вера невольно остановилась.

– Да, может быть, это и глупо... Но я не хочу мешать тебе жить! Я все равно поставил на себе крест! – Платон увидел Веру и обозлился. – Перестаньте подслушивать!

Вера пожала плечами и отошла.

– Да это не тебе. Ходит тут одна, отвратная такая.

Вера направилась к аптечному киоску, обогатилась шампунем и, проходя мимо открытого телефонного автомата, услышала:

– Мне на этой даче все равно не жить. Я теперь буду жить за другим забором... Да, позвони в Грибоедов отцу. Скажи, что я приеду завтра утром. Обо мне не беспокойся. Я тебя крепко целую!

Платон повесил трубку и увидел Веру.

– Зачем вам столько шампуня? Вы добавляете его клиентам в суп?

– Таким, как вы, с удовольствием, – дерзко ответила Вера.

Платон вышел на привокзальную площадь. Площадь была ничем не примечательная. Все как положено. В середине клумбы с анютиными глазками – гранитный памятник. По бокам площади – несколько палаток: «Пиво-воды», «Табак», «Мороженое», и рядом – шикарный стеклянный павильон «Заступинский сувенир».

Потом Платон заглянул в окошко пригородной кассы, где сидела женщина с добрым и участливым лицом.

– Вот если бы вы назвали какую-нибудь счастливую станцию, я бы, пожалуй, купил туда билет и укатил на всю жизнь!

– От вас, алкашей, житья нету! – Кассирша оказалась существом прозаическим. – Может тебе и стакан дать?

– Спасибо, что не ударили! – Платон помялся на месте, не ведая толком, что ему делать, куда идти.

За неимением лучшего отправился на перрон, где вечно толчется немало людей, не знающих, чем себя занять.

Здесь внимание Платона привлекла милицмейская фото-выставка. Она знакомила с уголовниками, которыми живо интересовались органы правосудия. Здесь, на стенде, широко раскрыла ослепительные глаза красотка, что ловко втиралась в доверие граждан и не менее ловко исчезала с их деньгами. На другой фотографии радостно улыбался опасный бандит. С третьего портрета взирал исподлобья злостный неплательщик алиментов.

В ресторанном зале Вера накрывала на стол и заметила Платона, который отошел от милицмейской витрины, присел

на скамейку и стал провожать глазами маневровый паровоз.

Платон сидел на скамейке под самым ресторанным окном и равнодушно глядел на вокзальную суету. Кто-то с трудом волок тяжелый ящик, кто-то искал носильщика, кто-то обнимал девушку и что-то ей с жаром говорил.

По радио объявили:

– Скорый поезд Ташкент – Москва прибывает на первый путь. В связи с опозданием поезда стоянка будет сокращена.

Платон безучастно сидел на скамейке, а сзади, в ресторанном зале, стучали кастрюльки и, топая каблуками, носились официантки.

Поезд подошел. Из вагона, что остановился напротив Платона, соскочил на платформу здоровенный проводник, весом эдак в центнер. Он достал из тамбура и поставил на платформу два тяжелых чемодана. Даже такой здоровяк, как он, поднимая их, напрягался изо всех сил.

Потом здоровяк, улыбаясь, шагнул прямо к Платону. Платон удивленно поднял голову – он его видел впервые. Но оказалось, что здоровяк заметил в окне Веру и гаркнул:

– Вера, а Вер!

Вера выглянула в окно:

– Ты откуда взялся?

Платон пересел на край скамейки, а то они кричали ему чуть ли не в самое ухо.

– Почему с ташкентским? – продолжала Вера, и по ее голосу чувствовалось, что она рада встрече.

– Сменщик заболел. Пошли в купе! Я так рад, тростинка моя! Соскучился!

– Я тоже тебе рада, Андрюша!

Платон не сдержал улыбки.

– Прыгай ко мне! – Проводник любовно раскинул руки.

Вера растерянно огляделась:

– Но как я вообще уйду? Видишь, у меня полно народу!

– Люда! – Андрей по-хозяйски окликнул Верину подружку. – У нас тут с Верой....

– ...Деловое свидание! – быстро подсказала Вера.

– Я со всех получу! – пообещала Люда. – Не впервой! Ступай! Из этих... – она глазами показала на жующих, – от меня никто не ускользнет. Ты, Вера, давай торопись, а то стоянка сокращена!

Но Веры, как говорится, след простыл. Вера уже выпрыгнула на перрон.

– Придется дыни туда-сюда переть! – помотал головой Андрей и взялся за чемоданы, с усилием оторвав их от земли. – Тут знаешь на сколько дынь! Обалдеть! Чарджуйские! Надо их куда-нибудь здесь спрятать.

Веру вдруг осенило. Она глазами показала на Платона, нагнулась к Андрею и что-то зашептала ему на ухо. Андрей воззрился на Платона и в свою очередь зашептал на ухо Вере. Потом неожиданно обратился к Платону:

– Здравствуйте, товарищ! Вы тут долго будете сидеть?

– До вечера, – вздохнул Платон.

– Чемоданчики постережете?

Платон пожал плечами:

– Пожалуйста!..

– А паспорт у вас есть? – продолжал проводник.

– Есть.

– С собой? Разрешите взглянуть?

Платон послушно достал документ и протянул Андрею.

Проводник взял паспорт и сразу заторопился:

– Слушай, постереги чемоданы – тут дыни чарджуйские.

Знаешь на сколько? Обалдеть можно! А будешь хорошо стеречь – я тебе дыньку дам, вот такую! – и показал размер будущего вознаграждения, весьма скромный.

– Эй, как вас там! – забеспокоился Платон. – Паспорт отдайте, вы права не имеете.

Андрей и Вера уже шли к вагону. Проводник обернулся.

– Мужик, а мужик! Ты постереги, через десять минут получишь свой паспорт. Ты что, не понимаешь?

Андрей поднял Веру на руки и перенес через пути.

Платон наблюдал, как Андрей первым вошел в тамбур, затем, воровски озираясь, в вагон вспорхнула Вера. Спустя секунду в ближайшем от входа окне появилась голова Андрея, и он хозяйским движением опустил глухую штору, отгородив купе от всего мира.

Платон усмехнулся и покачал головой. Потом наклонился к чемодану, попробовал замок – замок щелкнул и открылся. Платон приподнял крышку. Дыни издавали волшебный аро-

мат. Платон взял дыню, перегнулся через окно в ресторанный зал, достал со стола нож и аккуратно обтер его бумажной салфеткой...

...А в купе Андрей запирает дверь.

– Ни черта не работает... Вагоны старые. Ей-ей, письмо министру напишу... – Он обнял Веру. – Верунчик, давай, давай.

– Так соскучилась по тебе, – протянула Вера.

Андрей расстегнул у Веры верхнюю пуговичку кофты и сказал:

– Сама, сама, сама, сама. Не в ресторане. Здесь самообслуживание.

И Андрей принялся снимать с себя джинсы.

– Ночь у нас сегодня была жуткая. Напарник взял и посадил двоих в Пензе, думал, они тверезые. А они тут такое устроили, мать честная! Один лег поперек вагона и лежит, а у нас ревизия... А напарник еще зубами мается. Я ему говорю: – Герка! Возьми сто грамм-то! А он говорит: – Сто грамм – не стоп-кран, дернешь – не остановишься... Тут Андрей заметил, что Вера и не думает раздеваться.

– Ну, чего ты, Вер... Раздевайся...

– Не могу я чего-то... Как-то не по-человечески, наспех все...

– Наспех, наспех, – согласился Андрей. – Что делать, Верочка? Жизнь такая... Давай раздевайся... Все наспех...

– Я мечтаю, чтобы ты приехал на недельку, мы бы с тобой

погуляли...

– Погуляем, погуляем. – Андрей продолжал воевать со своими брюками.

– ...По парку. Сходили бы в кино...

– Ага, в кино ходим, в кино. – Андрей не возражал.

– ...Как люди!

– Ну разве я виноват – вся жизнь на колесах. Я – на колесах, ты – с подносом. Давай, давай, Верочка! Раздевайся! Ну, чего ты, в самом деле?

– Не могу, – заупрямилась Вера. – Чего-то не получается. Андрей перестал суетиться.

– Вер, может, ты меня не любишь?

– Люблю, – после паузы ответила Вера.

Андрей засмеялся:

– Верунь. Москва – «Динамо». Ну, раздевайся. Сократят ведь стоянку. Ну, прошу тебя.

– Не могу – в купе, не по душе мне все это.

– Ну ладно, Верунь. – Проводник даже озлился. – Кончай, чего ты, право. Что я, мальчик, что ли?

– Я тоже не девочка!

– Что тебе, жалко, что ли? Я вон страдал от этого самого, от Ташкента. Ну ладно, давай...

– Не могу! – отрезала Вера. – Я хочу по-человечески, так больше не могу!

Из репродуктора донесся бравурный марш, возвещающий, что поезд вот-вот отойдет.

– Ну вот, стоянку сократили. – Андрей стал напяливать брюки. – Все равно б не успели. Поезда опаздывают, стоянки сокращают. Никакой личной жизни! Письмо министру напишу.

– Я пошла, – грустно сказала Вера.

– Обожди, обожди, обожди, обожди. Дай я тебя поцелую.

Платон, который уплетал честно заработанную дыню, увидел, как растрепанная Вера соскочила с подножки и привычным движением стала поправлять свой туалет. Поезд тронулся.

В открытом проеме появился Андрей с флажком в руке.

– Буду послезавтра, в двенадцать десять. Если не опоздаю. Ты смотри, Верунчик, готовься... Да, Вера, дыни чарджуйские, запомни – три рубля кило!

Эти слова стали достойным завершением любовной сцены.

Вера, как и полагается любящей женщине, тоскливо глядела вслед уходящему поезду.

Платон отрезал еще один ломоть дыни.

Возле скамейки появилась Вера.

– Дынька... просто опупеть! – блаженно протянул Платон.

Вера присела рядом.

– Отрежьте мне тоже кусочек!

– Дыню я выбрал самую маленькую, – сказал Платон, выполняя Верину просьбу. – Будем считать, что за охрану вы со мной расплатились!

– Дыня действительно хороша! – восхитилась Вера.

– А что вы будете делать с такой оравой дынь?

– Реализовывать! – печально сказала Вера.

– По три рубля? – поинтересовался Платон.

– За кило! – кивнула Вера.

– Верните мне, пожалуйста, паспорт! – попросил Платон.

Реакция Веры была неожиданной. Сначала она буквально окаменела, а затем нервно расхохоталась:

– Ваш паспорт – ту-ту – в Москву едет!

– Что за глупые шутки! – возмутился Платон.

– Это не шутки, правда. – Вера оборвала смех. – А зачем вы его отдали?

– То есть как – зачем? Подходит человек в форме, требует паспорт, и, естественно, я отдаю.

– Простите, у нас там, в купе, спор зашел, понимаете, ну? – Вера засмеялась. – А потом уже было не до вашего паспорта.

Одно преступление Платон уже совершил, сейчас он был готов совершить второе – убить Веру!

– Да вы понимаете, что вы со мной сделали, дрянь при- вокзальная?! Вы же меня погубили, кошка драная!

Вера обиделась:

– Вы, конечно, имеете право меня обзывать, но кошка драная – это преувеличение!

– Не хватало, чтобы этот ваш бугай тупорылый, – продолжал бушевать Платон, – сдал мой паспорт в милицию!

– Сами вы тупорылый. – Вера не дала ухажера в обиду. – Андрей – человек порядочный!

– Спекулянт! – перебил Платон.

– Спекулянт тоже может быть порядочным человеком. И, пожалуйста, успокойтесь: послезавтра, в двенадцать десять, Андрей привезет вам документ! И вы успеете на точно такой же поезд, от которого вы отстали.

– Как же я буду жить без паспорта? – взвился Платон. – Да еще после того, что случилось! Я же должен отца повидать. Может, увижу его в последний раз в жизни...

– Вы не паникуйте! – Вера попыталась утешить Платона. – Поезжайте в Грибоедов без паспорта, а на обратном пути я его вам вынесу к вагону!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.